

DOI 10.35775/PSI.2025.126.9.005

УДК 930.85:347.9

О.В. ТЕРЕЩЕНКО

кандидат исторических наук,
доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных
дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского
университета МВД России,
Россия, г. Ставрополь

КАЗАЧЕСТВО ЛАБИНСКОЙ ЛИНИИ. ПЕРЕОРИЕНТИРОВАНИЕ ПОГРАНИЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ХОДЕ НЕСЕНИЯ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

В статье предпринят анализ ключевых социальных и военно-бытовых особенностей выделения Лабинской оборонительной линии из сегмента Кубанской линии в период, когда политика Николая I была направлена на переориентирование пограничного населения Кавказа для удобства ведения партизанской войны. Актуальность исследования обусловлена важностью переоценки роли Лабинской линии в создании целостной военной структуры, способной дать отпор неприятелю и защитить местное население. С завершением Кавказской войны в некоторых слоях казачества Лабинской линии все-таки актуализируются земледельческие промыслы.

Первостепенными они становятся только в станицах, имевших невероятно богатые природные ресурсы и плодородные почвы, к таким станицам относились: Бескоробная, Бесстрашная, Надежная, Отрадная, Передовая, Преградная, Сторожевая, Упорная. Вскоре новые станицы стали заселяться казаками из линейных полков (Кубанских, Хоперских, Ставропольского), в близлежащие поселения съезжались женатые солдаты, унтер-офицеры из регулярных войск Кавказского корпуса.

В рамках данного исследования мы используем специально-исторические методы и методы исторической антропологии. В методологический аппарат исследования вошли: специально-исторические методы (нарративный метод, биографический метод, историко-системный метод, историко-типологический метод, историко-сравнительный метод, проблемно-хронологический метод, ретроспективный метод, структурный метод, функциональный метод); методы исторической антропологии (номотетический метод, идиографический метод, абдуктивный метод, метод индексов, метод главных компонентов, метод типов отношений, метод децентрирующего сопоставления); методы науки мифологии (метод систематизации мифов, метод создания микросистем, метод построения уровня соответствий, метод погружения, метод интеллектуального обобщения). Результаты исследования свидетельствуют о постепенной эволюции правовых взглядов, оценок и установок казаков, выработывавших

собственные исторические представления о природе права с опорой на религиозные и устные источники.

Ключевые слова: *Лабинская линия, казачество, фронтир, население, крепость, караул, коммуникация, история.*

Введение. Изучение деятельности пограничного населения Кубанской и Лабинской линий занимает центральное место при определении социальной и культурной сторон взаимодействия казачества и крестьянства, их интеграции как сословных структур и социальных групп. Считается, что начало Кавказской линии – в организаторской, строительно-оборонительной деятельности гребенцев и терцев, которые предприняли попытку создания единой линии вдоль всего Кавказа. Разрастающаяся Кубанская пограничная линия оставалась подчинена одному начальнику и разделялась, подобно Кавказской линии, на такие части: правый фланг, центральная часть, левый фланг, Кубано-черноморская часть и Владикавказский военный округ.

Лабинская линия ввиду особенностей несения военной службы, строительства караульных вышек, крепостей и организации военной повседневности в целом постепенно стала обособляться и в середине XIX в. отделилась от правого фланга Кубанской линии. Интересным является тот факт, что именно в Лабинском отделе правового фланга происходила интеграция казачества и зажиточного крестьянства по торговым вопросам, сношениям и меновым операциям. Вблизи Моздока располагался центр (от моста Секретного до Каменного на реке Зеленчук) организации караульной службы правового фланга, который использовался, в том числе для перевода ветеранов, лиц пострадавших в ходе военных операций и уже отслуживших свой срок. Здесь же осуществлялся набор молодежи в казачьи полки.

Обзор источников и историографии. Источниковая база исследования включает в себя данные статистического, военно-описательного и хозяйственного характера. В числе первостепенных источников следует отметить труды современников – это «Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа» И.Ф. Бларамберга и «Ставропольская губерния в статистическом, географическом и сельскохозяйственном отношении» А.А. Твалчрелидзе. Также значимыми источниками выступают 11 том «Кавказского сборника» и «Путеводитель по Кавказу» Е. Вейденбаума, позволяющие проследить эволюцию подготовки служилого населения в ходе освоения пространства Северного Кавказа.

1. Формирование Лабинской линии. Центр подготовки условно делился на Кисловодскую часть, передовую Кабардинскую и Военно-Грузинскую, где заключались важнейшие сделки и проводились операции по сближению грузинского православного населения с российским духовенством. У поселения волжских казаков и кавказских горцев в Малой Кабарде проходили учебные смотры, Большая Кабарда использовалась в качестве тренировочной площадки для подготовки опытных бойцов к службе в лабинском отделе правового фланга Кубанской

линии. Горские племена за Черными горами принимали участие в тренировках и часто записывались на службу (для поступления было только одно принципиальное условие – хорошее владение русским языком). До Владикавказского округа доходили самые опытные и натренированные бойцы, которые хотели завершить курс подготовки получением качественного оружия и, смотря по уровню владения навыками верховой езды, боевого коня [1. С. 110].

Владикавказский военный округ исторически являлся передовой частью центра всей Кавказской линии. Начальник округа, обязанный защищать пункты Военно-Грузинской дороги, стремился окружить себя мастерами фланкировки и казаками, которые знали толк в экспортной торговле. В целом, начальник каждой части был подчинен командующему Кавказской линии, но в отношении управленцев Владикавказского округа командующий всегда выделял некоторые «льготы», а по поводу касавшиеся получения передового оружия, дополнительных запасов фуража, финансовых и строительных ресурсов, тоже касалось и посылаемых во Владикавказ казаков, которые должны были, действуя в команде с составом регулярной армии, научиться различным военным хитростям [2. С. 59].

Против враждебных племен начальник Владикавказского округа старался не применять силовых мер, но, так как он заведовал не только казачьими, а еще и регулярными войсками, то обязан был при определенных обстоятельствах действовать согласно установленному законодательству. Императивный метод признавался необходимым в том случае, если туземцы отказывались идти на встречу казакам или офицерам.

По спецификации внутреннего управления казаки и офицеры лабинского отдела подчинялись начальнику и наказному атаману. Наиболее распространенными способами подавления восстаний и предотвращения вторжений кавказских горцев являлись следующие:

а) строительство фортов и крепостей, установление пикетов и постов, укрепление станиц и поселений, усиления копулы между казачьими городами и станицами;

б) создание всех условий для вооружения иррегулярных войск и местного населения (часто исключением были горцы и тюркоязычные народы, не входившие в казачьи ряды);

в) содействие регулярным войскам и донцам, присылаемым в голодные годы для поддержания порядка и стабильности;

г) ужесточение военной повседневности казаков в целом.

Многие кордонные линии были неразвиты в оборонительном контексте, что заметно ускоряло прорывы незащищенных укреплений, увеличивало опасность набегов. Меры охраны были различны, но в своей основе они исходили из невозможности проведения массового строительства надежных укреплений и защиты станиц (особенно это было заметно в период Кавказской войны, когда ближайшие соседи казачьих общин могли оказаться скрытыми врагами, мюридами).

Только на лицевой стороне лабинского отдела правого фланга Кубанской линии все крупные станицы были подготовлены к отражению практически любой возможной атаки горцев. Но даже так, многие укрепления на участках земли водворялись только переди от уже выдвинутых, то есть, оборона станиц, в отличие от городов, оставалась односторонней и, можно сказать, предсказуемой для нападающих. Промежутки между незащищенными частями были заняты постами и пикетами: а мы понимаем, что такие меры защиты не могли сформировать целостный кордон.

На ночь пикеты заменялись «секретами», разновидностью оборонительного пикета, более подходящего для караула в темное время суток. Большинство постов лабинского отдела состояли по типу из землянок, вышек и земляных насыпов, откуда можно было наблюдать за всем пространством по заданному направлению. Для крупных станиц была характерна установка постов с оградительными рвами (для предотвращения нападения кавалерии или массового набега). О прорыве горцев казаки давали знать особыми сигналами, дули в рог или трубу, посылали нарочных на соседние посты, прилегающие к границе поселения [3].

Лабинская линия была сформирована в один год с 1-м лабинским полком барона Г.З. Засса в 1842 г., в годы Кавказской войны. Лабинский полк был подготовлен досрочно, но сформирован 25 марта 1841 г., в его состав вошли казаки-кубанцы из прилежащих станиц, а также служилые нижних чинов, преимущественно из Навагинского и Тенгинского полков. Благодаря качественной комплектации войск полк получил «старшинство» [2. С. 73].

В исторической ретроспективе развитие Лабинской линии можно связать с перемещением основного (передового) рубежа правого фланга с Кубани на Лабу, вместе с составом служащих казаков. Инициативу в перемещении рубежа историки отдают тому же барону Г.Х. Зассу, который в период с 1837 по 1839 гг. добивался у начальника Владикавказского округа получения разрешения (и средств) для реализации своей идеи. Будучи в чине генерала-майора, Г.Х. Засс хорошо понимал специфику партизанской войны на Кавказе, с которой и была обусловлена необходимость отдаления передовой линии подальше от крупных станиц и городов [4. С. 68].

Г.Х. Засс видел в развитии типичных казачьих промыслов будущее Астраханской губернии, а также области вокруг Кубани, и потому не отступил даже когда моздокский комендант посоветовал ему подождать окончания активных боевых операций вблизи Кубани, то есть, чтобы начальник Владикавказского отдела сумел пустить все средства на привлечение казаков для защиты границ или улучшение вооружения и закуп ездových лошадей. Как настоящий полководец, заботившийся о нуждах армии и выполнявший поставленные перед ним задачи и обязательства, начальник Владикавказского отдела отодвинул экономическое развитие региона на второй план. Г.Х. Засс, делец по своей натуре, напротив, считал, что даже во время войны (которая, кстати, могла затянуться)

следует помнить о перспективе развития общественно-экономических отношений и актуализации станичных промыслов [4. С. 72].

При получении одобрения, Г.Х. Засс начал строительство штаба Лабинской линии между пространством Кубани и Лабы. Весь 1839 г. Г.Х. Засс старался отыскать средства для формирования станиц, создания новых крепостей и укрепления уже существующих. Можно сказать, что его предприятие увенчалось успехом, так как по уровню защищенности и технической оснащенности к концу 1839 г. лабинские крепости ничем не уступали кубанским (за исключением разве что крупнейших городов, таких, как Екатеринодар) [11].

2. Трансформация Лабинской линии в середине XIX века. Видя успех Г.Х. Засса, Николай I Указом «О сформировании особого полка из переселяемых на Лабинскую Линию 4 станиц Кавказского линейного казачьего войска» от 23 января 1840 года приказал назначить генерала-майора начальником правого фланга Кубанской линии и преобразовать его в Лабинскую линию. Второй пункт Указа императора касался назначения Л.Л. Альбранта командующим Лабинской линией и ответственным перед начальством Г.Х. Засса. Третий пункт указа был посвящен утверждению штатов по управлению левым и правым флангами Лабинской линии. Для управления правым флангом и формирования штаба были направлены шесть писарей (кантонистов), два профессиональных переводчика с популярных горских языков, переводчик для письменных дел, адъютант и аудитор. Для управления всей Лабинской линией в целом были направлены: помощник начальника, адъютант, два писаря и два словесных переводчика, владевшие, в том числе иностранными языками. Четвертый пункт указа повелевал казакам Лабинской линии отныне называться «Лабинским линейным казачьим полком» [6].

В соответствии с Указом Николая I, в 1841 г. вблизи Лабы были построены четыре новые станицы: Лабинская, Вознесенская, Чамлыкская и Урупская. В январе 1842 де факто начал существовать Лабинский линейный казачий полк, командование которым принял кавалерийский офицер П.А. Волков. Его постоянный штаб был организован в станице Вознесенской. Как следствие, в 1843 г. в Лабинской линии были созданы новые станицы, каждая из которых стала выполнять конкретную функцию по развитию военного дела и сельского хозяйства [10].

В связи с резким увеличением численности пограничного (казачьего и горского) населения в первой половине 40-х гг. XIX в., П.А. Волков решил просить о разделении Лабинского полка на несколько соподчиненных полков. 6 декабря 1845 г. его просьба была удовлетворена, и Лабинский казачий полк был разделен на 1-й и 2-й конные полки, которые в дальнейшем составили 2-ю бригаду Кавказского линейного казачьего войска. Однако, конные полки были укомплектованы наспех, в начале 1846 г. стали ощутимы ошибки в координации действий пехотных войск и кавалерии (и эти ошибки командование не могло исправить вплоть до второй половины 50-х гг.) [9].

Все лошади, закрепленные за казачьей семьей, подвергались налогу, что не могло не сказаться на благополучии жителей. С одной стороны, лошадей было необходимо тренировать, устраивать бег с препятствиями, бег на выносливость и пр., что должно было закалить их волю, этот фактор косвенно влиял и на использование лошадей в обработке земли. С другой стороны, многие казаки не имели временных или ресурсных возможностей для надлежащей подготовки лошадей. В итоге нетренированные и беспородные лошади употреблялись в пищу (следствием этого была и тяжелая ситуация, вызванная разгоранием Кавказской войны), либо продавались бедному слою крестьянства [5].

Наиболее активными политическими деятелями Лабинской линии по-прежнему оставались подполковник П.А. Волков, его заместитель, а также командир 1-го полка И.А. Коровин, 2-го полка – М.Н. Потапов. Их деятельность связана с предоставлением казакам новых льгот и обязанностей. Помимо основания новых поселений (в 1852-1862 гг. на Лабе и Урупе были заложены еще 15 крупных станиц), казаки должны были участвовать в культурном просвещении горцев и тюркоязычных народов, осуществлять сбор и передачу ресурсов из внутренних губерний, распределяя их между голодающими жителями, которые не могли обеспечить себя продовольствием [8].

Интересно, что богатейшие кубанские казаки имели в 50-е гг. XIX в. до 60 десятин и могли спокойно позволить себе нанимать крестьян для распашки земли сверх необходимого, но не делали этого, а только, видимо, заботились о благополучии всего деревенского, станичного населения. Стоит подчеркнуть, что заботу о крестьянах казаки Лабинской линии проявляли только под давлением Кавказской консистории и – как локального фактора – Ставропольской епархии [7].

Данный факт можно интерпретировать так, что казаки хотели сблизиться с белым духовенством, но всячески избегали сравнения с крестьянством. И даже само занятие земледелием часто презиралось кубанцами, это было занятием крестьян, тех, кто обладал более низким социальным статусом и положением в обществе с точки зрения казаков. Но, конечно, это гораздо в меньшей степени характеризовало потомственных казаков-ставропольцев – и их отношение к крестьянству.

Заключение. Развитие лабинских поселений и интеграцию казаков Лабинской линии в пространстве Кубани и Ставрополя в целом. Многие переселенцы, отозвавшиеся на щедрое предложение властных структур, стали активно заселяли Правобережную Кубань, стараясь влиться в местную городскую или станичную среду. Но они не смогли влиться в исконно казачью номадическую культуру. Кубанцы не приняли переселенцев, хотя те и оказали влияние на многие аспекты быта и организации сельского хозяйства. Сукцессия, процесс адаптации в этногенезе, при котором происходит постепенное изменение вмещающего ландшафта в социально-экономическом и культурном аспектах, прервалась в 80-е гг., что привело переселенцев к мысли о необходимости занять ставропольские земли, где обитали крестьяне. Во многом такая социальная динамика

была связана и с тем, что среди переселенцев оказались самые различные сектантские группы и движения. Часть из них исходила только из одного правила, что *laborare est orare*, а работа на земле должна приносить пользу только общине, из этого следует вековая аксиоформа: глупо трудиться сверх меры. *Memento*, если молоканская секта воспринималась казаками как относительно безобидное течение Старой веры, то духоборы вызывали неодобрение как среди бедного слоя казаков, так и среди богатейших семей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Бларамберг И.Ф.** Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М.: Изд. Надыршин А.Г., 2019.
2. **Вейденбаум Е.** Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888.
3. Кавказский сборник, издаваемый по указанию его императорского высочества главнокомандующего Кавказскою Армиею. Том XI.
4. **Караулов М.А.** Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ: Электронпечатня. Тип. Терского Областного Правления, 1912.
5. **Короленко П.П.** Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правительства, 1896.
6. **Короленко П.П.** Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация Северо-Западного Кавказа. Екатеринодар, 1910.
7. **Лиджиева И.В.** Институт местного самоуправления кочевых народов Степного Предкавказья в контексте имперского законодательства // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 9.
8. **Македонов Л.В.** Хозяйственное положение и промыслы населения нагорных станиц Кубанской области. Вып. 2.
9. **Прозрителев Г.Н.** Шейх Мансур: к истории Кавказской войны // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. 1911. Вып. 1.
10. **Твалчрелидзе А.А.** Ставропольская губерния в статистическом, географическом и сельскохозяйственном отношениях. Репринтное изд. 1897 г. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991.
11. **Щербина Ф.А.** Беглые и крепостные в Черномории // Киевская старина. Киев, 1883. Т. 6. № 6.

O.V. TERESHCHENKO

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of Department of Socio-Economic
and Humanitarian Disciplines, Stavropol branch of the Krasnodar
University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Stavropol, Russia

COSSACKS OF THE LABIN LINE. REORIENTATION OF THE BORDER POPULATION DURING MILITARY SERVICE

The article analyzes the key social and military features of the separation of the Labin defensive line from the Kuban line segment during the period when the policy of Nicholas I was aimed at reorienting the border population of the Caucasus for the convenience of waging guerrilla warfare. The relevance of the study is due to the importance of reassessing the role of the Labin line in creating an integral military structure capable of repelling the enemy and protecting the local population. With the end of the Caucasian War, in some layers of the Cossacks of the Labin line, agricultural trades (in contumaciam) are still being updated. They become paramount only in villages that had incredibly rich natural resources and fertile soils, such villages included: Besskorbnaya, Besstrashnaya, Nadezhnaya, Otradnaya, Advanced, Pregradnaya, Storozhevaya, Upornaya. Soon, new villages began to be populated by Cossacks from the line regiments (Kuban, Khoper, Stavropol), married soldiers and non-commissioned officers from the regular troops of the Caucasian Corps came to nearby settlements. In the framework of this study, we use special historical methods and methods of historical anthropology. The methodological apparatus of the study included: special historical methods (narrative method, biographical method, historical-systemic method, historical-typological method, historical-comparative method, problem-chronological method, retrospective method, structural method, functional method); methods of historical anthropology (nomothetic method, idiographic method, abductive method, index method, principal component method, method of relationship types, decentering comparison method); methods of the science of mythology (method of systematizing myths, method of creating microsystems, method of constructing the level of correspondence, method of immersion, method of intellectual generalization). The results of the study indicate a gradual evolution of the legal views, assessments and attitudes of the Cossacks, who developed their own historical ideas about the nature of law based on religious and oral sources.

Key words: Labin line, Cossacks, frontier, population, fortress, guard, communication, history.